

Мы вышли из тоннеля

«Благодарим Тебя, Господь, мы вышли из тоннеля», – это из песни православной певицы ма-тушки Людмилы Кононовой. Песня о сбившихся с жизненного пути молодых людях, о том, как они блуждали в потёмках блуда, наркомании, неприятия родительских наставлений, но вот – Господь просветил, они выходят на свет Божий.

Хотелось бы этот пример перенести на наш выход из тоннеля нашедшей на нас заразы вирусного времени. Перетерпели. Вышли. С потерями, но вышли.

Что-то же изменилось в нас. Не могло не измениться. Не говорю за всех, но православных крепко потрянуло и вразумило.

Главное: подтолкнуло поляризацию общества. Она и так всё время шла, а нынче ускорила. По-ляризация эта одна: она делит людей на тех, кто за Христа, и на тех, кто против.

Люся

Одноклассник, друг мой Васька (он спустя годы был председателем райисполкома и погиб в автокатастрофе), любил десятиклассницу Люсю. Я бы её тоже любил, но я был моложе Васьки на два года. Во-первых. Во-вторых, я просто представить не мог, как это – любить Люсю, я просто робел пред ней и замирал от её красоты. И чтобы она на меня посмотрела хотя бы, да вы что!

Но Васька был посмелее. Он красавец, выступал на сцене, пел и декламировал. Мы играли в школьном театре. Конечно, Васька был на первых ролях. Помню, как Васька, играя папашу невесты, вздымает руки, вдоль которых ниспадают широкие рукава реквизитного халата и вопит: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом?»

Но это он на сцене герой, и с нами на реке, и у костра смельчак, а к Люсе приблизиться тоже боялся. Но решился, придумав какой-то предлог зайти к ней в дом. Один всё-таки не посмел, уговорил меня.

Идём. Чувствую, Васька трусит. Как и я. У её дома клумбы и грядки, цветы и рассада. Весенние экзамены. Люся сидит над билетами. Она в лёгком летнем сарафане. Косы перекинута на грудь. Весело здоровается. О чём они говорят с Васькой, я забыл.

Но вот это ощущение присутствия в мире красивой девушки, сквозная, летящая чистота от её платья, русых волос, свежесть из распахнутого окна, цветы под окном, замирание дыхания от вос-торга, вспоминалось потом.

Сегодня узнал, что уже ровно вторая годовщина со дня прощания с ней.

Люся и похожие на неё девушки, а их много, приходят в этот мир, чтобы принести в него чистоту. И пока они есть, эти девушки, никакой пошлости и разврату не выжить в этом мире.

Мальчик и камень

Мы устанавливали Крест на истоке реки Вятки. Мужчины несли огромный Крест, иконы и хоругви, а всех остальных батюшка просил взять по камню, чтобы укрепить Крест. Исток был на болоте.

И навсегда запомню мальчишку, который выбрал камень, даже по виду тяжёлый, и потащил. Пожалев его, я сказал: «Возьми камень полегче». – «Донесу», – ответил он.

И когда шли по болоту, а это долго и трудно, проваливались в воду, насекомые тучами жужжали и кусали, я иногда оглядывался и видел, что мальчику тяжело: у него же руки заняты, его тоже кусают, и не отгонишь этих кровососущих. Руки заняты, а он идёт и идёт. И даже подпекает молитвам.

Дошёл, миленький! Положил свой камень ко Кресту, напился и умылся из истока реки своей родины. Сел на траву, глубоко дышал и радостно улыбался.

Этот мальчишка для меня – символ моей будущей России.

И символ, и пример. Он терпел жару, усталость, укусы насекомых, жажду, но шёл, нёс свой камень к подножию Креста.

Будем подражать этому мальчику, понесём камни своих трудов ко Христу. Да, тяжело, да много гнуса вокруг. Но всё равно же надо идти и дойти. И жажду утолим, и усталость пройдёт. А следы укусов – это награды.

Баба-яга и Венера Милосская

Подумать страшно, сколько изведено человеческого времени, целых жизней на изучение античности, просто прорва. На изучение, совершенно зряшное и бесполезное. Ну, хорошо, не будем так категоричны, и античность была нужна, и триумvirат Сократа-Платона-Аристотеля, и Афины, и Пальмира, и Фаюмский портрет, и Фидий, и античный театр, да и Александрийскую библиотеку не надо было жечь, оставить для любопытных, но чтобы уж настолько в античности застрять, на такие века и эпохи, так без передышки мучить умы мифологией, богами, учить, где римская богиня охоты, где той же охоты, но греческая... и это всё валилось на головы бедных детишек. Пороли несчастных. За что? Да за то, что, например, не знали, что Гефест был хромым, и кто был прикован, и у кого орёл выклёвывал печень?

А северо-восточнее от античности была наша славянская сверхдревняя история. Тоже не без своих богов. Но всё как-то роднее и милосерднее. Они потом – духи земли и воды, огня и ветра, кашеи, лешие, кикиморы, змеи-горынычи – уползли от приходящих в славянские просторы Крестов в леса, болота, а потом, когда появилась мультипликация, выползли и стали её персонажами. Но не претендовали на повелителей умов, головы особо не морочили. Домовые, баннушки всякие даже как бы оживляли свою таинственную жизнь рядом с нами. С принятием христианства вся эта, не говоря нечисть, но изнанка восприятия реальности, легко потеснилась. Праздники языческие замещались православными, но отголоски долгим эхом шли рядом с людьми. «Иван Купало, обливай кого попало» – это на праздник святого Крестителя Спасова Иоанна Предтечи. И на зимние святки личины из берёзовой коры надевали, тоже было. И доселе какие-то отголосочки есть. Но всё уже несерьёзно, на уровне игры.

А посерьёзнее с этими «богами» и нашей, и западной античности было то, что они требовали себе поклонения, часто кровавого. Всесожжения, гекатомбы трупов убитых животных, жертвы человеческие – это всё знаки тогдашних верований. Идолов боялись, их задабривали. Кормились около них ловкие жрецы.

Защищающие язычество говорят о гармонии человека и природы. Конечно, жалко рубить дерево. Но оно и вырастает для чего-то, а не для гниения на корню. Можно и попросить прощения у дерева перед тем, как его срубишь, но всё равно же срубишь.

В первые века новой эры христиане не всегда вежливо обходились с богами и богинями античности. В музеях видны отбитые носы у мраморных скульптур, у Венеры Милосской отбиты руки. Это всё следы борьбы с ложными богами. В Летнем саду, куда Пётр I навёз античные статуи, даже охрану ставили, ибо старухи, и не только, рвались их свергнуть, на них плевали.

И правильно. После грехопадения Ева и Адам сшили себе одежды, прикрылись, застыдились, а тут опять всё на вид выставляют, экая срамота. Любишь, царь, голых бабёнок, дело твоё, но Россию не позорь.

И в целом Россия не приняла античности. Здесь не Европа. Показатель отношения – прекрасная поэма замечательного поэта Ипполита Богдановича «Душенька», которая «во всех нарядах хороша» и из-за которой перессорились все боги Олимпа. Да у них и до Душеньки был сплошной разврат, легко убедиться, прочтя «Мифы Древней Греции», другие мифы. Мифы-то мифами, а влияли на нравственную жизнь разлагающе. Уж если боги такие, так и нам можно.

Когда западное христианство зашло в тупики, тамошние умники спохватились и решили поправить положение. Как? Возродив античность. Этот средневековый период был назван эпохой Возрождения, Ренессансом. Но что возрождали? Возрождали окультуренное язычество, многобожие. Это была эпоха антропоцентризма. Человек во главе угла. А это тупик. Обóжение твари вместо Творца. Не ангелы, а пупсики, амуры, культ обнажённого тела. Красота-то телесная, плотская. Отсюда в обществе разврат. Какие боги, такое и возрождение.

Наши духи были поцеломудреннее. Баба-яга, конечно, ссорилась со Змеем-Горынычем, но возникающие проблемы решали без обострения отношений.

Мысль о написании этого материала возникла у меня, когда мы свергали идолов у истока реки Вятки. Скульптуры лесовичков оставили: и резьба по дереву искусная, и похоже, что они вышли из леса и любят начало реки. Но Бабу-ягу, парящую над источником, свергли. Не жгли, не рубили, положили неподалёку. Нашёлся один заступник идолов. Сказал, что это в традициях здесь живущего народа. Но жил ли этот народ, когда возник родник, и кто этот родник, эту реку создал? Весь вопрос в этом.

Природа – не наше, она – Божие создание и достояние. Богом она сотворена и нам подарена для жизни и сбережения. И благодарить за лес, воду, воздух, весну-лето-осень-зиму надо прежде всего Господа. А присваивать себе природу и грешно, и даже преступно.

И самая лучшая наша благодарность – это символ нашего спасения – Крест Христов. Его мы и установили.

Наша Баба-яга, парящая в ступе с метлой над статуей Венеры Милосской, смотрелась бы вполне заслуженно, оправданно и гармонично. Обе они из языческого многобожного мира, долго трудились, пора и на покой. В музее самое место.

А нам надо жить дальше. С Богом.